

ДАНИЭЛА МЮЛЛЕР

КАТАРИЗМ В РЕЙНСКИХ ЗЕМЛЯХ

ДАНИЭЛА МЮЛЛЕР, профессор истории Церкви и христианства, университет Радбод, Нимек, Нидерланды

Хотя катаризм был очень распространен в Окситании, в Рейнских землях ему не так везло. Разумеется, потому, что церковные власти очень быстро поняли, что не следует допускать, чтобы это явление разрослось.

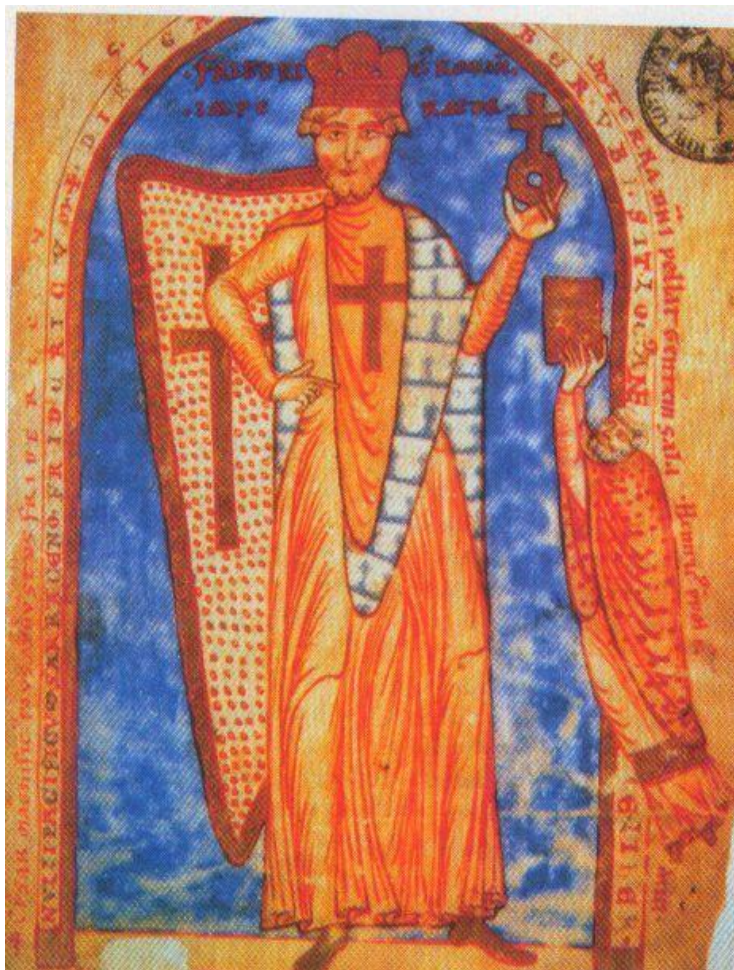
Архиепископство Кёльнское (кафедральный собор Кёльна виден на заднем плане) играло большую роль в Средние века, навязывая свои идеи всей Германской империи.

Если кто-то хочет изучать особенную роль Рейнских земель, то, прежде всего ему следует уточнить, о какой именно территории идет речь. Ведь термин «Рейнские земли» не имеет четкого определения и означает германские территории вокруг среднего и нижнего течения Рейна. С севера и запада

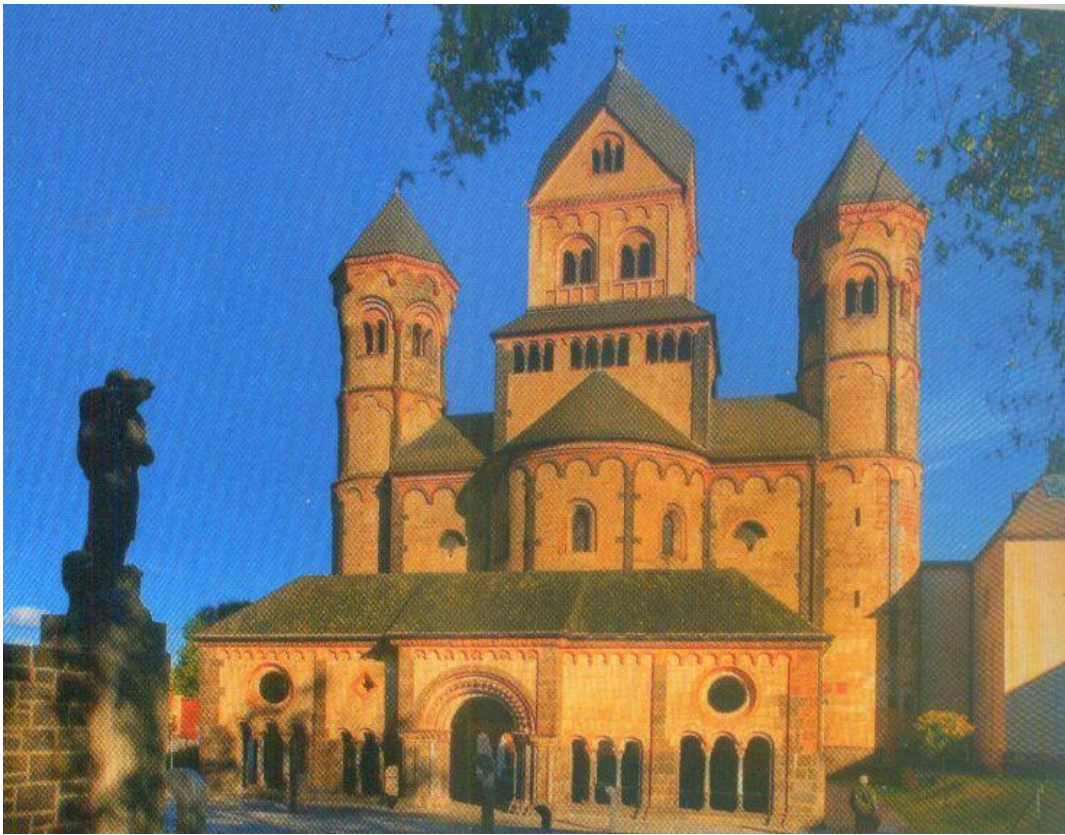
Рейнские земли граничат с Нидерландами, а на юго-западе – с Бельгией и Люксембургом. В течение своей истории, начиная с эпохи Карла Великого, Рейнские земли играли первостепенную роль для всей Германской империи. Имперский город Аахен и могущественное архиепископство Кёльнское прекрасно иллюстрируют исключительное значение Рейнских земель во времена Средневековья. Кроме того, рейнские города поддерживали экономические связи с различными регионами, от Испании до Балтийских земель. Но даже еще до времен расцвета торговли в Кёльне Рейнальд фон Дассель - канцлер, советник и управитель императора Фридриха Барбароссы в XII веке - нашел средство, чтобы привлечь в Кёльн огромное количество «посетителей». Он поместил там реликвии Трех Королей – Магов, и распространил этот культ по всей империи. Канцлер, имея параллельную функцию архиепископа Кёльнского, железной рукой установил порядок во всей имперской системе. Лучше сжигать людей, чем допускать возможность беспорядков и религиозных конфликтов: письма клира не оставляют никакого сомнения на эту тему. Ведь, возможно, уже в 1143 или 1147 году Эвервин, прево Штайнфельда, спрашивает совета у Бернара из Клерво, духовного авторитета своего времени. Две группы «уклонистов», замеченных в Кёльне, Эвервин попросту квалифицирует как «еретиков». Это название приобрело популярность со времен Августина. То есть те, кто не подчиняется церковной дисциплине, должны считаться членами зловещего *Civitas diaboli* – Града Дьявола – то есть пособниками дьявола. А это приводит историка к большим трудностям в области идентификации таких групп; поскольку эта идентификация базируется на предварительном очернении.

Но даже в этом раннем свидетельстве уже ставится вопрос о женщинах – членах общины. Они вызывают недоверие Эвервина, который, очевидно, не может допустить, чтобы было возможно сексуальное воздержание между мужчинами и женщинами, которые живут вместе: «Среди этих *апостолов*

Сатаны есть и женщины, целомудренные (как они претендуют), вдовы, девицы или их жены, причем одни среди избранных, другие среди верующих, и всё это по примеру апостолов, которые разрешали приводить женщин».

Портрет императора Фридриха Барбароссы (1122-1190).

Романское аббатство Мария Лааш, расположенное в Рейнских землях Палатинат в Германии.

Изображение святого Бернара из Клерво.

Благодаря относительно точным описаниям Эвервина, можно сделать вывод, что эти мужчины и женщины, которых он просто называет еретиками, на самом деле были катарами. Его письмо можно рассматривать как первое неопровержимое свидетельство появления катаров в Западной Европе. Сами себя они называли апостолами, у них были таинства, иерархия; женщины тоже могли достигнуть ее определенных ступеней и претендовать на то, что они воплощают истинную Церковь Божью в противоположность злобной Церкви мира сего. Кроме того, в свидетельстве Эвервина содержатся очевидные параллели, известные нам по более поздним источникам. Так, эта катарская Церковь состоит из тех, кого Эвервин называет «избранными». Он упоминает о трех ступенях вовлечения в их общину – *auditores* (слушатели), *credentes* (верующие) и *electi* (избранные), подчеркивая, что *credentes* отличались от массы *auditores*, потому что им позволено было участвовать в молитвах *electi*, даже до того, как они получали рукоположение, то есть *consolament*, крещение Духом. Это тройное разделение среди верных, конечно, соответствует обычному представлению о «манихейский», то есть гностических общин со времен Августина, и может быть сочтено стереотипом. Но комментарий Эвервина подтверждается позднейшими французскими источниками, которые упоминают об особом обряде принятия *верующих*. Очевидно, первые немецкие катары все еще скурпулезно соблюдали ранние правила крещения Духом (*consolament*): во время другой церемонии, которая предваряла это крещение, неофит «получал» *Отче Наш*, единственную фундаментальную молитву *добрых христиан*. Он получал также право называть Бога своим Отцом. Но только после прохождения катехумената, в целом, длящегося два года, возложение рук делало из верующего доброго христианина, избранного (*electus*).

Хильдегарда Бингенская – очень рано приняла обеты, была назначена аббатисой Руппертсберга. Известна своими антикатарскими проповедями.

Германский император Фридрих II Гогенштауфен (1194-1250).

После 1143 или 1147 г. катары Рейнских земель основали школы, чтобы обучать тех, кто собирался принимать обеты. Бенедиктинец Экберт из Шёнау, брат визионерки Элизабет из Шёнау и друг канцлера Рейнальда фон Дасселя, также чувствовал призвание к борьбе с еретиками и написал тринадцать проповедей против них. Экберт считал катаров манихейцами, и поэтому пробовал опираться на Августина и его аргументы относительно борьбы против манихеев. Конечно, те пассажи, которые он не переписывает у Августина, дают нам некоторую интересную информацию на тему немецких катаров XII века. Особенно знаменательно узнать, что среди них были многие именитые люди. Теперь их не называли просто еретиками (*heretici*), но давали им особые имена: в Германских землях их знали под названием «катары», во Фландрии их называли «фифлами», а во Франции – «ткачами». Нет сомнений в том, что Экберт, умелый церковный политик и реформатор, использовал традиционные шаблоны для того, чтобы кодифицировать и описать эту ересь в Кёльне, но не «изобретал» самих еретиков.

Кроме того, Экберт описывает сцену костра, где было казнено пятеро людей. Если верить канонику, катары пришли из Фландрии в Кельн. Они были разоблачены, арестованы и переданы Церкви. Это были четверо мужчин, среди которых был их глава Арнольд (Экберт определил его как «архикатара», что предполагает его особый статус), и девушка. Поскольку они отказались отречься, их отлучили и сожгли. С жестокостью и сарказмом Экберт, ссылаясь на крещение огнем, то есть на *consolament* катаров, не удерживается от замечаний, что лучшее крещение огнем для катаров это, разумеется, костер.

Возможно, особые обстоятельства, сопровождавшие сожжение катаров в Кёльне, стали причиной антикатарских проповедей Хильдегарды Бингенской, выдающейся аббатисы Руппертсберга. Чрезвычайно поражает то, как Хильдегарда выявляет особое беспокойство по поводу женщин, «соблазненных» еретиками. Аббатиса не может объяснить того, почему они так привлекают

женщин, кроме как в терминах соблазна. Поскольку женщины не имеют способности к истинному просвещению, они не в состоянии выявить лицемерие еретиков и потому слепо за ними следуют.

После упоминаемых событий, имевших место в Кёльне и Бонне, мы практически не находим никаких упоминаний о катарах в Германии, а основная информация приходит, в основном, с юга Германии и из Австрии. Однако эта информация совсем другого типа. Она в большинстве своем исходит из юридических источников. Эта новая, особенно кровавая глава истории катаров открывается Конрадом Марбургским. Современники Конрада, как, например, архиепископ Кёльнский Зигфрид III, восставали против его методов ведения следствия, характеризуя их как «незаконные». Жертвами Конрада Марбургского были как мужчины, так и женщины, арестованные словно наугад, из всех общественных слоев. Но именно Инквизиция Конрада и его окружения породила традицию, которая придала в Германии образу еретика черты пособника дьявола. Сообщают также, что узников Конрада заставляли признаваться в том, что они *«обменивались поцелуем мира с жабой, котом и другими творениями неверия»*. Таким образом, неудивительно, что слово «Ketzer», еретик, происходит от слова «cattus» - что означает «кот» на диалекте Нижней Германии, особенно Рейнских земель. Считалось, что эти еретики поклонялись огромному коту, то есть дьяволу.

Охота на ведьм

Для катара Лепцита из Кёльна Сатана был изгнан за провинность с неба, но однажды он займет там свое место. Но уже сам Лепцит как будто стоит на «темной» стороне Сатаны, который был сброшен вниз, - и это именно тот приводной ремень, который запустил механизм охоты на ведьм, особенно в немецких регионах. Также он признается, что в течение семидесяти лет он трижды в год получал освященную священником облатку, а затем сжигал ее у себя дома. Разумеется, цифра три происходит из очень распространенного

обычая ходить как минимум три раза в год, на Рождество, Пасху и Пятидесятницу, в церковь, чтобы принимать евхаристию. Более того, стереотип богохульства, состоящего в сжигании облатки, встречается не только в антиеретической борьбе. Мы видим его в контексте преследования евреев, а затем, немного позже, в процессах охоты на ведьм. Лепцит также исповедуется в том, что он убил тридцать человек - поскольку катары якобы не считали убийство грехом, но наоборот, верили, что к убийству особенно благосклонен Люцифер и его божественный отец. Отсюда оставался один шаг до следующих признаний Лепцита в том, что они не отвергали ни кражи, ни изнасилования, ни грабежа, ни всякого богохульства.

Что до Лукардис, «благочестивой» женщины из Трира – где существовало три «еретических школы» - то она собиралась освободить Сатану своими слезами. Таким образом, относительно рано, уже в середине XIII века, в немецких регионах существовало убеждение, что существуют связи между катарами и дьяволом. Это мнение особенно распространялось инквизиторами в связи с их собственными верованиями и представлениями о дьяволе. Кроме того, в XIII веке количество сторонников катаров было намного меньшим, чем раньше. Но почему катаризм находился в это время уже в такой упадке именно в том регионе, где он так рано расцвел?

Если исключить версию, что хронисты просто были не заинтересованы в этом феномене, и что катары еще позже смешались с вальденсами, то следует принять во внимание особую социальную и политическую ситуацию в Германской империи. Напряжение, порожденное реформой, стало одной из главных причин соперничества между императором и папой. У клира уже была прекрасно отшлифованная пропаганда, которая ассоциировала образ Антихриста с папой и отвергала возможность послушания Церкви фальшивому папе. Это «черно-белое» дуалистическое видение еще более усилилось под конец XI-начало XII века. Даже роль «черни» в религиозных конфликтах,

осужденная еще императором Генрихом IV, сделалась чрезвычайно важной. С тех пор ересь не распространялась исключительно в кругах эрудированного клира, а все больше и больше включала в себя народ. Ранние бурные возмущения по поводу катарского учения, происходившие от мужчин и женщин, слишком вовлеченных в политику Церкви, возможно, могут объяснить, почему катаров в меньшей степени воспринимали в землях Германии, чем в других краях. Кроме того, император и его универсалистские претензии имели здесь намного большее значение, чем, например, во Франции. Если кое-какие антиклерикальные тенденции в других местах приводили к притоку людей еретические общины, то в Германии они выражались в том, что человек занимал позицию за императора и против папы. Вместо того, чтобы становиться «катаром», здесь становились верными императору. Важность Рейнских земель в рождении и развитии катарского движения не вызывает никаких сомнений. Очевидно, катаризм в эту раннюю эпоху развивался здесь в зачаточном виде. Но и тут уже в общих чертах угадываются характеристики будущей *Ecclesia Dei* (Церкви Божьей).

Тем не менее, можно установить, что катаризм был довольно широко распространен. Это подтверждают многочисленные описания случаев ереси, сделанные клириками и дошедшие до нас. Их география - от Кёльна у Эвервина из Штайнфельда до Льежа у Экберта из Шёнау и его круга, к которому, очевидно, принадлежали его сестра Элизабет из Шёнау и Хильдегарда Бингенская. Писания Цезария Гейстербахского и, наконец, преследования еретиков, развернутые Конрадом Марбургским во время его инквизиторских следствий, служат для нас доказательством того, что даже в XIII веке Рейнские земли продолжали играть важную роль в истории катаризма.

Инструмент борьбы

Итак, контекстом развития катаризма был контекст Грегорианских реформ. В поисках *vita apostolica* (апостольской жизни), клирики объединялись

с мирянами, монахи-реформаторы выступали против «традиционалистов» собственного ордена, каноники противостояли священникам, а обвинение в ереси появлялось в пределах одной и той же общины, чтобы обличать одно направление как истинное, а другое как зловредное. Таким образом, ересь иногда может показаться не столько реальным фактом, сколько инструментом борьбы между соперничающими моделями христианской жизни. Однако, в этой напряженной атмосфере реформ – где каноники играли решающую роль – радикальная критика Римской Церкви, без сомнения, стала порождать группы религиозных «уклонистов», которые имели собственное, абсолютно иное видение.

Конрад Марбургский, пред-инквизитор, ответственный за пытки большого количества людей, обвиняемых в ереси. Его деятельность показывает роль Рейнских земель в развитии катаризма.